

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

СОЛЬ И ВОДА

Москва
Т8 RUGRAM
2019

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)
Щ70

Щетинина, Е.

Щ70 Соль и вода / Е. Щетинина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 436 с. — (Аква).

ISBN 978-5-521-92878-1

Они родились близнецами и должны были иметь
одну судьбу на двоих. Но их разделили —
и теперь у каждого из них свой путь.
Алонкей Моэн и обычный человек Айкаэ —
через годы и расстояния,
борясь и идя вперёд, ищут себя.
Это дорога поражений и побед,
горя и радости, дружбы и предательства.
Она пахнет кровью и потом.
Она соткана из соли и воды.

BIC FM
BISAC FIC009000

Младенцы

3060 год
Фелипе

н не сразу понял, что именно произошло. Заткнув уши мягкой тканью, которую обычно использовал для перевязок, он дремал – и видел сон, как Лусия гладит его по голове, ласкает плечи, грудь, живот, спускается ниже...

... и в этот момент оглушительный треск словно разорвал мир вокруг него. Его приподняло в воздух – а затем швырнуло о жёсткую койку, приподняло снова – и вышвырнуло с неё на пол. Руку, привязанную шарфом к стенной скобе, дёрнуло, вывернуло – и пронзило болью, которая волной прокатилась по всему телу.

И только тогда Фелипе Рата проснулся.

Он попытался вскочить на ноги – и это стоило ему снова дёрнувшейся руки и очередной волны боли. Зашипев сквозь зубы ругательства, которым успешно научился в этом путешествии, он начал лихорадочно развязывать шарф. Тугой узел – жопа Номоса, какого ему вообще в голову пришло так затягивать его? – не поддавался, пришлось вцепиться в него зубами. Корабль трясло, метало

из стороны в сторону, врачебный дневник, лежавший на низком, прикрученном к полу столике, летал туда-сюда, как диковинная страхолюдная птица.

– Да твою ж жопу, Номос! – прорычал он, вгрызаясь зубами в узел. Тот быстро набух слюной и закаменел. – Да жжжжж...

Да, это казалось очень хорошей идеей – когда корабль попал в шторм, развернуться и спуститься к себе в каморку, гордо именуемую «каютой-лазаретом». Ещё и обоснование было придумано веское:

– Я всё равно помочь нормально не смогу, не умею – зато когда ваши люди руки-ноги переломают, я им здоровый и свежий больше пригожусь!

Именно это он и выпалил в лицо капитану, когда тот перехватил его по пути вниз, вцепился в рубашку и требовал остаться на палубе – то ли держать канат, то ли затыкать своей жопой дыру в борту. Фелипе не был уверен, что в вое ветра и воплях матросов его реплика дошла до ушей капитана, но глаза того выпучились, как два чайчьих яйца, а борода встала дыбом. Значит, хотя бы пару слов, да расслышал.

– Я буду ждать внизу, – попытался оправдаться Фелипе. – Я приготовлю инструменты, перевязки, так что сразу отсылайте раненых ко мне.

Капитан попытался что-то сказать, но подавился ругательствами – и лишь разжал пальцы. Фелипе кулём шлёпнулся на палубу, чудом удержавшись на ногах.

– Я буду ждать! – крикнул он капитану и поспешил вниз, пытаясь опередить пинок по заднице, который, как он чуял, заслужил.

Строго говоря, Фелипе Рата никогда не считал себя смельчаком. Он и в эту-то экспедицию подался судовым врачом лишь потому, что предположил, что это неплохой способ пробиться к деньгам и славе. Хороший врач дорого

ценится на кораблях. Особенно тех, что идут к Границе Ада. Достаточно зарекомендовать себя с лучшей стороны – и предложения польются к тебе рекой. И тогда можно будет уже выбирать повкуснее да поспокойнее. Хотя нельзя сказать, что вот этим вот своим бегством он показал себя с лучшей стороны...

Капитан ему сразу показался странным человеком. Да, отрекомендовался тот как Лаха Вака – то есть алонкей из Круга Паруса, все чин чинарём, но эта зверская рожа более подходила отбросу из Пены. Да и серьга почему-то отливала фальшивым золотом. И борода. Эта рыжая, клокастая борода, словно специально закрывающая половину лица, тоже наводила на определённые мысли.

Именно размышляя о том, что за фрукт этот капитан, Фелипе и заснул, предварительно – как ему казалось, благоразумно – привязав себя концом шарфа к скобе в стене: чтобы не свалиться во время усиливающейся качки, но и иметь свободу движений.

И вот теперь, как дурак, рычал и ругался сквозь зубы, пытаясь развязать окончательно затянувшийся и превратившийся в сплошной ком узел. Наверху грохотало, гремело, что-то падало, перекатывалось, рвалось, трещало, топало и кричало. Фелипе никогда не удосуживался запоминать, какая деталь корабля как называется – врачу гораздо важнее знать детали тела пациента, а мозг штука маленькая, всякий хлам помнить никаких ресурсов не хватит – и вот теперь всё это неизвестное рушилось и ломалось. И угрожало похоронить его под собой, в морской пучине, если он не сумеет развязать треклятый узел.

«А вообще кто-то кроме капитана знает, что я здесь?» – мелькнуло у него внезапное осознание. Матросы носились по палубе, озабоченные судьбой корабля – и явно

никого не интересовали передвижения врача. А судя по тому, как зыркнул на него капитан – с того станется ничего никому не сказать и позволить господину Рата тихомирно утопнуть.

Фелипе взвыл и с остервенением впился зубами в узел.

Наверху снова грохнуло, корабль затрясло – словно человека в горячке – и раздался жуткий оглушительный звук, словно что-то лопнуло в его глубинах. Корабль резко, словно падая с высоты, просел – и Фелипе снова швырнуло, на этот раз аккуратно лбом на край койки. В голове что-то треснуло, затем хлюпнуло – и глаза начало заливать кровью.

– Да ядрёные... – взревел он. Что именно «ядрёные», он не успел не только сказать, то даже и подумать, потому что в следующее же мгновение корабль просел ещё сильнее – и Фелипе опять приложился о койку – на этот раз зубами. Это стоило ему верхнего левого резца. Ко всему прочему он подавился выбитым зубом – и потратил драгоценное время на то, чтобы откашляться и выплюнуть застрявший в горле костяной осколок. Разгрызать узел оставшимися зубами было невозможно – второй резец угрожающе шатался, а клыки соскальзывали.

«Рука, – пророснула у него дикая идея. – Руку в обмен на жизнь. Не такая уж высокая цена».

Наверху так гроыхало, а корабль так трясся и метался, хрустя и ухаю чем-то в своих недрах, что Фелипе уже воочию видел свою смерть. Вот шум, крики и топот наверху стихают – и в вое ветра и гуле волн можно с трудом слышать плеск воды под вёслами стремительно удаляющейся лодки. Теперь корабль пуст – покинут и заброшен. Никто не знает о том, что в нём – где-то в глубине, в самых недрах – остался ещё один человек. Пока ещё

живой человек. Но рано или поздно ветер и вода сделают своё дело: корабль разломится на куски под ударами стихии или, получив течь, медленно уйдёт на дно, пока его несчастный пленник будет захлёбываться и биться в бесплодной схватке за жизнь. А может быть, наоборот, крепкое дерево выдержит, и остов судна ещё долго-долго будет бороздить океан, пугая встречных мореплавателей. И никто, никто не будет знать, что где-то там, в одной из полуразрушенных кают, привязанный к проржавевшей скобе истлевшим шарфом, лежит скелет умершего от голода и жажды незадачливого врача. И на полу и стенах даже видны следы от ногтей, которыми он царапал доски в агонии.

Фелипе вдруг стало безумно жаль себя – такого молодого, красивого, подающего большие надежды... Строго говоря, из всего этого истине соответствовала лишь молодость – для красоты у него было слишком простое, мясистое лицо с курносым, изрытым ямами от подростковых прыщей, носом, а для подающего большие надежды... разве кто-то, у кого есть виды на то, чтобы сделать карьеру в приличном месте, отправится в экспедицию со всякой швалью? И даже не в специально собранную экспедицию, по итогам которой нужно будет официально отчитываться – а значит, поставить своё имя в важных документах, на что потом можно будет ссылаться – а такую... сомнительной нужности. Да, к Границе Ада, да, исследовательская, да, изучение дальних островов, да, заполнение белых пятен на картах, но... Фелипе не заметил ни одного картографа в составе экспедиции, ни одного учёного, занимающегося растениями или животными, ни одного вообще сколько-то образованного человека! Исключая, разумеется, себя. Капитан был больше похож на опытного головореза, да и вся команда смахивала на отборное отребье из Пены.

И то он подозревал, что часть из них вообще не алонкеи, а обычные грязешлёпы.

«Отрезать руку... – снова заметалась безумная мысль. – Подохнешь тут, один, никому не нужный, и не вспомнит о тебе никто. А по прибытии домой вообще скажут, что тут никого и не было. Документы утонули, врача не видали. Режь руку. Тем более левая, не главная».

Конечно, резать руку было страшно. Фелипе боялся боли – ещё в детстве он предпочитал не ввязываться в драки, а убежать подальше или вообще истощно орать и плакать, привлекая внимание взрослых. Ему говорили, что умение постоять за себя пригодится ему в дальнейшем. Что нужно уметь отстаивать свою точку зрения, бороться за свои мечты и идеалы, защищать родных и близких. Потом – что врач должен быть смелым, ведь он сражается с болезнью и смертью, а значит, трус обречён на неудачу. Потом – что мямля, прячущийся за чужие спины, ничего никогда не добьётся в жизни. А ведь он хочет добиться, правда? Фелипе хотел – но быть мямлей ему казалось безопаснее. Ну и вот, сделал, как ему говорили – смелый поступок, экспедиция к Границе Ада, новые острова, неизвестные воды... И? Так и помереть, в одиночестве и безвестности? Может быть, Лусия всплакнёт над известием о его смерти – но Фелипе был не особо уверен, что это продлится долго. На кого-то другого она его вряд ли быстро променяет – но вот что не откажет себе в удовольствии развлекаться в компании подруг, это точно, можно не сомневаться. А где подруги – там и подначки: «такая молодая, а одна», «да мы тебе сейчас найдём», «посмотри, какой миленький мальчик»...

Фелипе зашипел и стал дёргать руку так, что кисть посинела. Отрезать, как же! Было бы чем! Было бы чем – шарф бы перепилил!

Мокрая ткань стала плотной и твёрдой. Она врезалась в кожу, как тупой нож. Что ж, тогда подойдём с другого конца!

Фелипе перебрался к скобе и вцепился в неё, раскачивая из стороны в сторону, пытаясь вырвать гвозди. Но ржавчина, на которую он так понадеялся, сыграла с ним дурную шутку: практически приварила металл к металлу – и всё вместе к дереву. Корабль явно не хотел отпускать его от себя.

– АААААА! – полузаорал, полузавыл Фелипе, задрал голову к потолку.

– УУУУУУУ! – ответил ему ветер.

– Бум, хрящ, крак, – отозвалось по всему кораблю.

Фелипе закрыл лицо руками и зарыдал. Он не хотел умирать – умирать так глупо и рано, не успев ничего ещё сделать! И да, пусть он бездарность, неумеха, способный только вскрывать нарывы, чистить раны да ампутировать гнилые конечности – но хотя бы это он делает хорошо! Он не лезет в кишки, не пытается спасти тех, у кого остановилось сердце, кого трясёт в беспамятстве или кто харкает кровью! Да, его дядя по матери – великий врач, один из лучших врачей Риномоса, Фелипе Рата, в честь которого его и назвали – говорят, может лечить одним своим появлением, но маленький Фелипе стал врачом только благодаря авторитету дяди и тому, что как-то умудрился сдать экзамен – и сам понимает это! Он мечтает стать великим – не обязательно врачом, для этого нужно слишком много работать, возиться в крови, в испражнениях, дышать испарениями от зелий и снадобий, не иметь роскоши самому заболеть или просто отдохнуть, закрыв глаза и уши... Нет! Ему достаточно просто быть богатым и уважаемым! Номос, неужели я так много прошу у тебя?

– Рата? Рата Фелипе? – как сквозь мокрую тряпку, донёсся до него чей-то крик. – Рата, Рата Фелипе! Вы где?

– Я здесь! – завизжал он изо всех сил, срывая голос.

Двое без имён

Они плавают в темноте. Нет верха, нет низа, нет права, нет лева. Весь мир плавает вместе с ними, покачиваясь и гулко ухая. Звуки растворяются в темноте, тонут и расплываются. Один чувствует плечо другого – а тот чувствует его плечо. Они рядом, они вместе, они единое целое.

Мир там, снаружи – огромный, громкий мир – пугает их. Может быть, он добрый и не причинит им зла – но они всё равно опасаются. Они прижимаются друг к другу, вжимаются друг в друга, врастают друг в друга. Они единое целое – так они смогут выстоять против того огромного мира, что ждёт их снаружи.

Фелипе

– Одна пробитая голова, три сломанные руки, две сломанные ноги, вывихнутая челюсть, мелкие переломы, вывихи и раны я не считаю, – бойко перечислил Фелипе капитану. Возможно, даже чересчур бойко – ещё подумает, что работы у врача почти что нет. Строго говоря, её действительно нет: ну только если голову перебинтовать да шины на переломы наложить. Вправление челюсти можно и не считать – один раз толкнуть да вовремя свои пальцы убрать, чтобы не прикусили. Остальное всё мелочи – тем более, на матросне, судя по шрамам, и не такие раны сами заживали.

Капитан пошевелил бородой:

– За неделю в строй встанут?

Фелипе сделал вид, что задумался:

